

Глава 13. Братья семьи Чэн. Начало

Примерно дней за десять до начала Нового Года генерал Ван с четырьмя сыновьями семьи Чэн вместе с отрядом, сопровождающим объемный багаж, и войсковой частью наконец-то прибыл в столицу. Две семьи разделились: семья Чэн забрала с собой семьдесят или восемьдесят телег с «вещами». Шаошан внезапно осенило: неудивительно, что потребовалось четверо рослых сыновей, возглавивших подчинённых, чтобы сопровождать все это под охраной.

Согласно словам старшего брата, Чэн Юна, старший Ван – образцовый сын, увидев главный въезд в столицу, мужественно, сквозь слезы, прокричал: «Матушка, я приехал!». Даже не успев поприветствовать всех присутствующих людей, с быстротой ветра, понукая правящего повозкой, понесся в свой новый дом. Поэтому старший сын семьи Чэн в качестве ответственного был вынужден прежде все обозы препроводить под охраной в его поместье, только после этого возвратился к себе домой.

–Заставили бабушку долго ждать, – с серьезной миной сказал старший брат Чэн. Своим квадратным лицом и широким лбом он очень походил на Чэн Ши в дни его цветущей юности – ему самому скоро должно исполниться восемнадцать лет.

–Не устала, не устала! Нисколько не утомилась! – матушка Чэн от радости стала несвязно говорить.

По утверждению второго старшего брата, Чэн Суна, они были последней частью войск, которая вернулась в столицу доложить о несении службы; сначала кто-то, кто был недоволен этим и кому не нравилось сложившееся положение вещей, захотел сказать по этому поводу пару слов. Только услышав об этом, генерал Ван сразу же пошел разыскивать того человека, но перед своими людьми внезапно схватился за ногу, почувствовав в ней боль, закричал: «Ой-ой! Моя нога! Ой, нога! Ой, нога! Ой, нога! Ой, нога! Ой, нога! Моя несчастная нога! Ой, нога!», голос его был звучный, распространяющийся на три ли от лагеря. Чэн Сун выучил его слова точь-в-точь, близкие около него расхохотались, даже госпожа Сяо и та невольно рассмеялась, нечего и говорить о матушке Чэн – она смеялась так, что были видны задние ряды ее коренных зубов.

–Неужели нога генерала Вана так сильно повреждена? – сказал в недоумении второй дядя Чэн Чэн.

–При повреждении мышцы бедра можно путешествовать, играть в цуцзюй*, можно даже ездить шагом на лошади, вот только нестись на боевом коне с мечом наперевес нельзя, – езда на высокой скорости строем требует, чтобы обе ноги были подтянуты к брюху лошади.

*□□ cǐjū цуцзюй – древняя китайская игра с мячом, один из предшественников футбола.

Чэн Чэн уловил главное:

–Дозволено играть в цуцзюй, однако нельзя скакать на коне?

Чэн Ши пристально посмотрел на своего второго сына, госпожа Сяо покачала головой, усмехнувшись.

Чэн Сун понял, что проговорился, немедленно на полном серьезе принялся спасать положение:

-Только для удовольствия, можно и гулять не торопясь. Не более... – он внезапно понизил голос и, подойдя вплотную к Чэн Ши и госпоже Сяо, сказал: – Недавно дядя Ван был сильно взволнован, все порывался сесть на коня, а на входе в городских воротах стояло так много солдат и старших офицеров, наблюдавших за всем, но благодаря тому, что я спешно подозвал лёгкий экипаж семьи Ван, все обошлось.

Чэн Ши хмыкнул, сказал госпоже Сяо:

-Немного погодя мы обсудим это положение с пожилой госпожой.

Госпожа Сяо медленно кивнула в знак согласия.

В стороне Чэн Чжу, малыш дошкольного возраста, весьма сердито хлопнул своей маленькой ладошкой по крышке столика, недовольно завопил:

-Второй старший брат, поистине я был бы цел и наверху повозки! Но ты зачем-то тогда стянул меня с нее и швырнул назад. Если бы третий старший брат меня не поймал, я мог бы упасть наземь и даже выбил бы себе зубы, чем бы я сейчас кушал?!

Чэн Сун указал на него, сказав с улыбкой:

-Неужели, если бы я тебя не бросил, ты бы не потерял свои зубы?! Ты потерял эти два зуба слева не из-за меня! – в настоящее время у маленького Чэн Чжу настал тот период, когда происходила смена зубов. Он закрыл рот, но его широкое лицо болезненно покраснело от гнева, он страстно желал бросить зажатые в руке палочки для еды из слоновой кости, обходясь с ними как с тайным оружием, одним ударом проткнуть старшего брата, подобно парным мечам сделать сразу четыре дыры!

Все дружно захохотали, даже второй дядя Чэн, трясясь, повалился сверху на столик. Матушка Чэн со смехом откинула палочки для еды и схватила малыша Чэн Чжу в объятия. Среди всех детей Чэн Ши лишь он родился на чужбине. С того времени, как он появился на свет, матушка Чэн никогда не видела его, вот почему встретив, впервые расцеловав и обняв, почувствовала в сердце что-то родное, потому усадила его рядом с собой во время еды.

Конечно же Чэн Оу находился рядом с ней с детства, собственно говоря, и привязалась бы она к нему лучше, если бы не Гэ-ши, с которой было нелегко ладить, когда у нее появился сын. Она стерегла меньшого ребенка, словно он был стеклянным, и когда кто-то посторонний хотел его покормить, он устраивал переполох или, отправляясь на улицу подышать свежим воздухом, после рыдал навзрыд полдня. Таким образом Чэн Оу вырос своевольным и мелочным, и по правде говоря, матушке Чэн он не нравился, и ему никак было не сравниться с богатырского вида малышом Чэн Чжу, бывшим к тому же дружелюбным и бойким.

В результате матушка Чэн про себя тайком оправдывалась: она перестала беспокоить госпожу Сяо не потому, что боялась старшего сына, а ради всех своих внуков, всё-таки она хорошо воспитала своих детей.

Обширный главный зал в главном здании все равно, что перед этим семьей Ван, что семьей Чэн, не использовался в полную силу. Но сегодня все от души смеялись, болтали и шутили, и могло показаться, что это была оживленная толпа. В зале царила атмосфера зажиточного семейства: на стенах висели длинные в чи, крупные свечи из животного жира, пламя горело высоко, за столом трижды меняли блюда, помимо очень рано отправившегося спать малыша Чэн Оу перед каждым был сервирован более большой столик, чем обычно, и по сравнению с обычными днями было очень много роскошной еды и вина.

Чэн Шаошан опустила голову, вглядываясь в продолговатый столик из черного японского лакированного дерева, с идеально прямыми как стрела, четкими параллельными линиями, он был одинаков везде, и только по краю был прорисован широкий узор – ярко-красного цвета странные утрированные звери; внезапно она почувствовала чей-то взгляд на себе, подняла голову и направо от себя увидела прелестного белокожего юношу, как раз в это время тайком ее рассматривающего.

-Шаогун, ты сегодня еще ничего не говорил, – с широкой улыбкой на лице госпожа Сяо посмотрела в его сторону.

Как вдруг Чэн Шаогун привычным тоном сказал:

-Матушка, я смотрю на младшую сестренку. Мы же близнецы, почему же Чэн Шаошан совсем не похожа на меня?

Улыбка госпожи Сяо застыла, Чэн Сун поспешно сказал:

-Сегодня увидев Няня, я по-настоящему поразился. Ведь даже если сложить всех младших братьев, по сравнению с нами – она выглядит красавицей. Мы не виделись много лет, старший брат принес тебе много вкусной еды и развлечений...

Чэн Шаошан заметила неловкость на лице госпожи Сяо, вздохнув про себя, поправив полы халата и выпрямившись сказала:

-В последнее время матушка ежедневно наставляет Шаошан много читать и заниматься каллиграфией, поменьше играть и забавляться, то что старшие братья принесли Шаошан, боюсь, не пригодится.

Кто знает почему, но Чэн Юн рассмеялся:

-Не слушай ты второго брата, он все время думает о забавах и розыгрышах. Я привез для тебя много превосходного качества туши и кистей для каллиграфии, в частности, есть кусочки чернил из сосновой канифоли...

Чэн Шаогун торопливо прервал его, с усмешкой сказал:

–Эти кусочки туши действительно драгоценны, старший брат получил их в подарок в тот год, когда учился у наставника. Их берегли много лет, обычно он не растирал их себе и не давал прикоснуться к ним даже мне.

Чэн Чжу немедленно решил подорвать основы:

–Третий старший брат, а ты, конечно, не пробовал? Если бы старший брат не надежно смотрел за ними, ты бы сразу стащил их, вот так!

Второй дядя Чэн, кстати, только что глотнувший вина, едва не выплюнул его, и все находившиеся в зале разразились дружным хохотом, Чэн Шаогун с глубокой ненавистью в голосе проговорил:

–Сопляк, где твоя совесть! Зная заранее, что сегодня я не схвачу тебя, ты устраиваешь склоки, кидаясь дерьмом! – обернувшись сказал: – ...Шаошан, тебе не нужно слушать А-Чжу, я приду и отдам тебе все, что сохранил!

Несмотря на то, что характер у четверых братьев был разным, однако выражение глаз смотрящих на нее были полно ожиданием дружеских отношений, сердце Чэн Шаошан смягчилось, оставив шутливое выражение лица, нежным необычайным от радости голосом поблагодарила, при этом, озорничая, она сказала:

–По правде говоря, я с детства люблю играть, лишь надеюсь, что в будущем старшие братья не будут подозревать меня в том, что я могу провоцировать споры, хорошо?

Очаровательная девочка, с искренними интонациями в речи и ясными глазами, и, как говорится, это произвело двойной эффект. Все от Чэн Ши и до Чэн Чжу, этого малыша, от всего сердца радостно рассмеялись, заметив, что младшая сестрица (а для кого-то и старшая сестрица) прекрасна как нефритовая куколка, и такая же крохотная, а по сравнению с голосами других ее речь звучит так мелодично (они все неправильно истолковали).

Малыш Чэн Чжу задушевно прибавил от себя:

–Старшая сестрица, не переживай, какие бы беды ты не натворила, тебе не превзойти меня, если не веришь, то можешь спросить отца.

Находящаяся рядом с ним матушка Чэн очень хотела бы сказать: "Мой остроумный внучок, тебе стоит посмотреть внимательно, ты неправильно оценил это проклятие, данное за грехи мои!". Однако в результате все три брата: Юн, Сун и Шаогун вместе дружно кивнули головами. Чэн Шаогун всё же затаил негодование и спокойным голосом сказал:

–Отец, каждый раз, когда порет А-Чжу, привлекает к этому нас троих. Закончив бить, велит нам братьям жить в добром согласии! А ведь нам всем иногда так хочется пришибить А-Чжу,

как же мы можем жить в мире?

Госпожа Сяо больше не могла сдерживаться, упала от смеха на Чэн Ши, чуть ли не разбрызгивая вино; матушка Чэн смеялась до слез, сдавив Чэн Чжу, из-за чего ему стало тяжело дышать, остальные просто неудержимо смеялись, кто-то упав навзничь от смеха, кто-то лежа ничком.

Чэн Шаошан искренне рассмеялась. Неожиданно почувствовала какое-то движение на собственной юбке и, опустив голову, она увидела на полу блюдечко, заполненное засахаренными фруктами, тихонько движущееся сбоку от ее коленей, наклонив голову еще, она заметила, как ее собственный старший брат-близнец, щурясь в улыбке, наблюдает за ней.

Оказывается, Чэн Шаогун, воспользовавшись весельем людей вокруг, искусно вытаскивал блюдце из-под своего широкого рукава. Чэн Шаошан, отвернувшись назад, поняла, что ее собственное блюдце пустое и Чэн Шаогун заметил, как ей нравятся эти фрукты, и сознательно отдал свое. Она взяла один большой засахаренный фрукт и откусила, отчего щека надулась как барабан, Чэн Шаогун рассмеялся, его брови изогнулись, а глаза заблестели. Перед глазами Чэн Шаогун внезапно запестрело, и его осенило вдруг, что младшая сестра и впрямь по сравнению с младшим братом может быть упрямее во много раз.

Все эти действия не видели другие, однако сидевшая напротив Чэн Ян видела все очень четко. В ее сердце зародилась неизбежная зависть, мысли блуждали, и она вспомнила, что ее двоюродные братья из семьи Гэ с детства в ней души не чаяли и заботились, чтобы ей не было одиноко, а Чэн Шаошан только сегодня смогла ощутить этот вкус, и вот в мыслях Чэн Ян уже родилась жалость...

Чэн Юн был очень внимательным. Увидев краем глаза, как Чэн Ян задумалась, торопливо сказал, улыбаясь:

–Едва не забыл... Ян Ян, мы не знали, что ты уже вернулась сюда, поэтому не подготовились. Я получал и обувь и носки, сделанные тобой, и письма с поздравлениями на бамбуковых дощечках, и мне чрезвычайно стыдно, что потом, собирая хорошие вещи, только в конце я отправил их тебе, Ян Ян.

Чэн Ян, поспешно опомнившись, непрерывно замахала руками, неловко промолвив:

–Все в порядке, все в порядке, это только мои маленькие желания, старшим братьям не нужно помнить о таком.

Госпожа Сяо, увидев все это, в сердце осталась довольна.

После нескольких подач спиртных напитков слугами не имевший способности хорошо пить второй дядя Чэн, опережая всех, упал ничком на столик, и госпожа Сяо стала убеждать сидящих, что пора прекращать банкет: «Нельзя сегодня так напиваться, через несколько дней придет третий младший брат, и опять потребуется устраивать большую семейную пирушку!».

Услышав, что скоро приедет ее любимый младший сын, матушка Чэн только тогда с неохотой опустила чарку с вином, а бабушка Ху помогла вернуться ей в свои комнаты для отдыха; Чэн Ян немедленно стала раздавать команды прислуге, чтобы они все вместе подняли на руках и увели ее отца.

После чего госпожа Сяо помогла встать незначительно покрасневшему Чэн Ши, и они неторопливо ушли по боковой галерей, Чэн Шаошан следовало бы уйти вместе с ними по боковому проходу. Но она вдруг нащупала у себя в кармане, в рукаве, какой-то странный предмет. Сердце забилося в груди, она повернулась, чтобы посмотреть, где ее старшие братья. И как раз увидела, что Чэн Чжу из-за того, что матушка Чэн "немного" напоила его вином, шатается из стороны в сторону, не в состоянии твердо стоять. Госпожа Цин Ли дотронулась рукой до обжигающе горячей щеки мальчика и в раздражении позвала людей, чтобы те отправлялись сделать горячий суп от похмелья и принесли его в каждую комнату поместья. Чэн Юн тренированно схватил на руки младшего брата и понес его, окликнул двух младших братьев, чтобы они возвратились обратно каждый в свои комнаты.

-Дорогие старшие братики, задержитесь на время.

Чэн Шаошан в несколько шагов догнала их, ушедших вперед. Неторопливо вытащив из кармана связку джутовой пеньки с нанизанными на ней червями, какими-то мелкими кузнечиками, маленькими богомолами, еще имелась маленькая летучая мышь... все это было вплетено не очень тщательно, явно новичком в этих делах. Шаошан впихнула в руки сонному Чэн Чжу, притворившись, что краснеет, как не делала с тех пор, как в прошлой жизни поступила в среднюю школу старшей ступени, и сказала:

-Я не знакома с некоторыми иероглифами, не умею вышивать и ткать, только вот в деревне научилась кое-чему. Так вот позже, когда я добьюсь первых результатов в учебе, все возвращу старшим братьям.

Когда эти слова достигли их ушей, у Чэн Суна и Чэн Шаогуна защемило сердце и заболела душа, они одновременно и второпях сказали: «нет необходимости, нет необходимости», «рано или поздно ты всего достигнешь, не надо торопиться», «старшему брату и младшей сестре не надо церемониться» и даже «не напрягай свой организм слишком сильно» и так далее...

Чэн Юн хоть и не говорил ни слова, однако смотря на собственную крошечную младшую сестру, ниже его приблизительно на две головы, тело которой напоминало девочку-подростка, он досрочно получил целую гамму ощущений достойных пожилого отца; он молча погладил Шаошан по закрученным в круглый шиньон волосам и, легко улыбнувшись, попрощался.

Шаошан склонилась в почтительном поклоне, попрощавшись со своей стороны. На ее красивом лице сохранялось улыбающееся выражение до того момента, пока она не дошла до своего двора, улыбка не сходила с ее лица, когда Ляньфан, расплетая прическу, убирала шпильки и серьги:

-Княжна сегодня очень счастливая.

Шаошан сказала со смехом:

–Я увидела сегодня своих старших братьев, почему мне быть недовольной? – наклонив голову и смотря на А-Чжу, которая с помощью кувшина с горячим углем нагревала ее постель, она сказала: – Няня, старшие братья все отнеслись ко мне хорошо.

А-Чжу, выпрямившись, сказала с улыбкой:

–Конечно.

Она смеялась слишком долго, вследствие чего, после того как она опустилась на место около кровати, Шаошан почувствовала в челюсти сильную ноющую боль. Она растерла щеки, страстно желая, чтобы старина, заместитель руководителя клуба Байюй, которому не нравился уровень ее актерского мастерства, пришел сюда сейчас и увидел ее так называемый смех, содержащий в себе трагизм, и как три составляющие – нежность, скромность и покорность – были ею перевоплощены в пять, такие как: молчание, потерю слов, обиду, нанесение обиды, несправедливость. Заместитель руководителя клуба Байюй всегда думал, что она стала ведущей актрисой, потому что она – навязчивая идея председателя общества Сяньюй (в действительности она так сама в первую очередь считала, кроме того, что у нее была довольно очаровательная внешность, вопреки ожиданиям она тоже могла идти путем красотки из высшего класса и радоваться про себя, проходя через преграды), но как видно сейчас, ее потенциал попросту тогда не раскрылся, и только.

Ее усилия были не напрасными. Не успела она полностью выпить горячий отрезвляющий суп, как обещанные братьями подарки принесли в тот же вечер. Это были три-четыре ящика высотой в половину человеческого роста. Распахнув их, она смотрела на переливающиеся всеми цветами радуги самоцветы, любого цвета и образца, там имелись: несколько пар безупречных нефритовых плоских колец, семь-восемь коробок с драгоценностями, которые не образовывали между собой комплекты, но с ценнейшими шпильками и серьгами, жемчужные подвески, браслеты (гетеросексуальные мужчины не были мастерами комплектовать украшения), десяток с лишним кусков превосходной мягкой парчовой атласа, несколько каллиграфических наборов кистей и туши, упакованных в ящички из ценнейшего сандалового дерева, отдельно от всего множество побрякушек для детей, какие-то волчки, китайские шахматы, малые шашки, рогатки... вопреки ожиданиям еще была разного рода тростниковая утварь – для обихода.

Вслед за прибывшими вещами вошел и младший мальчик-прислужник, сказавший:

–Еще есть крупногабаритные вещи, они связаны и еще находятся на телегах, как разберем все – сразу же донесем.

Услышав это, А-Чжу улыбнулась такой редкой для нее улыбкой и, захватив с собой людей, отправилась раскладывать вещи из принесенных коробок.

Шаошан держала в руках золотую тонкую цепочку с нефритовой подвеской и внимательно рассматривала ее. Цвет камней был полупрозрачным, под светом свечей еще ярким и сверкающим, в их отражении даже можно было неясно увидеть одну сторону ее щеки, она не знала о чем думать.

Ляньфан сидела на коленях на полу и развязывала толстые чулки Шаошан, чтобы потом помыть ей ноги, осторожно поднимая взгляд, она посматривала вверх.

Все то время, когда маленькая княжна находилась в подобном настроении, она всегда рождала у нее одинаково и благоговение и страх. Перед приездом сюда, всё равно кто – была ли это госпожа Цин Ли или попросту девушка слушала посторонних людей, передающих чужие слова, – всегда подразумевалось, что четвертая молодая барышня семьи Чэн испытывала страх перед сильными и притесняла слабых, снаружи – жестокая и надменная, в душе на самом же деле нерешительная.

Однако за все это время Ляньфан признала, что эти слова не были правдой – прежде всего почему никто не упоминал, что маленькая княжна красива словно белый нефрит? Все огульно распространяли сплетни о ее дурном характере, но только что, это произошло на ее глазах, Ляньфан заметила, что драгоценная нефритовая подвеска не так хороша по цвету, как цвет кожи на щеке маленькой княжны.

Шаошан долгое время смотрела на нефритовую подвеску, в уголках ее рта появилась следы особенной улыбки, счастливой и очаровательной, даже насмешливой; Ляньфан с осторожностью улыбнулась, сказала со смехом:

-Не понимаю, над чем смеется княжна.

Шаошан невинно усмехнулась:

-У меня хорошее рождение, – и как ребенок стала подбрасывать нефритовую подвеску на золотой цепочке высоко вверх.

-Родители – любят, старшие братья – берегут, семья – живет в добром согласии, – расплывшись в улыбке Шаошан, сложив ладони, стабильно ловила падающую нефритовую подвеску – но неужто она не знала о мнении госпожи Сяо? Хотя и не представляла причину для подобного поведения.

Она с детства понимала, что на всех тех людей, которые относились к ней с предвзятостью, не стоит тратить силы и стараться угодить им, ведь будет затрачено много, а результата не будет.

Сэкономив таким образом силы, она сдерживалась до последнего: поступила в важное место – среднюю школу старшей ступени, потом поступила в престижный университет. После этого все успокоились и не было в городке никого, кто бы докучал болтовней или косо смотрел на нее, напротив, говорили что-то подобное: «это дитя сейчас так непохожа на себя – я наблюдаю за ней» и такого типа пустые слова. Но это был отличный способ выставить некогда безликого старшего дядю Юя, местечкового голову, в выгодном свете, наряду с этим прочие родители целыми днями много болтали: «у нее нет ни отца, ни матери, каким образом она так хорошо сдала экзамены?», и это стало кошмаром для детей, которые холодно смотрели на нее ранее, а вот она была очень счастлива.

Проблема в том, что сейчас она не понимала – к чему должны стремиться девушки в этом

мире? Ей нельзя было держать вступительные экзамены в вуз обретя таким образом положение. Возможно ли, чтобы она занялась торговлей? Она не знала передались ли ей по наследству или нет врожденные способности спекулянта, бывшие сильной стороной ее скупого папочки; или она может подражать старшей дочери семьи Цю, ставшей главарем шайки в сельской местности, и создать свой мир? Когда у нее появится благоприятная возможность, она должна будет изучить этот вопрос подробнее.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2754061>